

ГЛАВА 1

Павлик,
22 июня 1941 года

Утро началось с того, что малявка Гарик разбил нам окно из рогатки. Никому и в голову бы не пришло выбегать летом, в разгар каникул аж в полвосьмого утра во двор. Кроме Гарика, конечно. «А-а, вой-на-а! Вооружайся-а!» — орал бодрый идиот Гарик, стреляя по неведомым целям. Одной из мишеней было выбрано наше окно. «Пиу! Дуф-дуф!» — вопил Гарик. Осколки стекла забренчали прямо по моему столу. Скрыться паразиту не удалось. Отец мигом выбежал во двор и ухватил этого мелкого пакостника за ухо. Я почувствовал холод и хотел было закрыть окно (дует же), не сообразив спросонья, что оно разбито. «Да отпустите меня, дяденька, я ж не с вами воюю! Я с врагами! Я ж вам сказал, что война, а никто не знает и вы не верите! Да вы Толика спросите, Толик вам скажет!» — верещал Гарик.

Папа потащил его домой. Не к нам, конечно, к Руденцам. Что было дальше, знаю со слов Севки. У Руденцов никто

не спал. Дверь оказалась открыта: её забыл запереть на ключ Толик, именно поэтому малявке удалось сбежать. В своём дворе он орать не стал, а решил для начала перебудить всех нас, а заодно напомнить, что мы собирались на фонтан. Вчера утром Гарик наплёл басен, что в фонтан на площади запустят на выходных рыбу, можно будет ходить на рыбалку. Никто, конечно, не поверил, но Руденец-младший назначил нам утром в воскресенье встречу на площади. Как выяснилось позже, Гарик вчера наловил рыбы и спрятал её в ведре под кроватью. Спалось ему, разумеется, плохо: будильник заводить он не умел и боялся проспать, поэтому, когда рано утром зашуршал ключ в двери, Гарик вскочил как ошпаренный. Толик постучал в комнату родителей, Сева спал. Гарик незаметно выскользнул в коридор, немного послушал, о чём говорит старший брат с отцом (вроде про войну какую-то), и выбежал с ведром на улицу, благо Толик забыл ключ в двери. Настроение у Гарика было распрекрасное: и сбежать удалось, и новость какую услышал — война! Правда, она где-то далеко, но вдруг и до N доберётся? Тогда уж он, Гарик, покажет врагу, где раки зимуют. Впрочем, кто враг, Гарик пока не выяснил.

Отец вернулся от Руденцов озадаченный и встревоженный. Мама жарила на кухне драники. Я уже собрал осколки и ворочался в кровати, надеясь снова заснуть, но прохладный утренний воздух бодрил. Пришлось встать, надеть тапочки и прошаркать умываться. Над умывальником плескалась тётя Майя, и я пошёл на кухню. Родители разговаривали тихо, речь шла о том, что Руденцов могут «забрать»: неизвестно, кто мог услышать Гарика. Его высекли и заперли в кладовке. «Наши объявили войну фашистам?» — спросил я. «Нет, — ответил

отец. — Поменьше болтай. Вон и радио молчит. Как думаешь, почему? То-то, бдительнее надо быть. Не доведёт Толика до добра этот его приёмник. Мать валерьянки напилась у них, у отца давление».

Я послушал по радио «Пионерскую зорьку», в воскресенье она начиналась поздно, в 10:05, а потом меня отправили искать стекольщика. Стекольщики бродят по дворам, так же как и старьёвщики, лудильщики, точильщики ножей, керосинщики и сапожники. Стекольщик обычно ходил по осени, перед холодами, хотя летом стёкла бьют гораздо чаще.

Точильщики появлялись с криками: «Та-ачить ножиножницы, бритвы править!» Я очень любил в детстве искры, которые летят веером от станка. Совсем другое дело — лудильщик. Больше всего собиралось тёток, когда появлялся лудильщик. Звон от кастрюль и чайников стоял такой, точно в колокола бьют на пожар. Мама говорила, что дело не в дырявой посуде, а в личности Саши-лудильщика. Личность у него живописная, вот все бабы поэтому выползают, а про некоторых говорят, что они нарочно дырявят тазики и вёдра. По мне, так Саша этот мужик как мужик, но всё женское население нашего двора (и наверняка не только нашего) решило, что он красавчик писаный. Болтать с тётками Саша не любил и вообще был неразговорчив. Но достаточно было одного его слова «Луда!» — и во двор набегал женский народ. Паял он молча, не спеша, но всегда приветливо улыбался.

Где живёт стекольщик, мужик ничем не примечательный, кроме глубоких морщин и каких-то вялых усов, я точно не знал. Летом и зимой он чаще всего ходил по базару.

По пути я наткнулся на старьёвщика — это огромная удача! Старьёвщик Мирон ненамного старше Толика Руденца, но на вид кажется гораздо младше меня: как-то не вышел ростом. Вот совсем не вышел, лилипут. Мирон шёл медленно, впрягшись в небольшую низкую телегу, и орал то неприличные частушки, то своё коронное:

*Собирай шурум-бурум,
выноси без лишних дум!
Кости, тряпки, сапоги
со одной берём ноги!
Старьё-верьё берём,
а копейку выдаём!*

В детстве я побаивался старьёвщика, тогда ещё ходил дед Мирона, нормального роста, самый обыкновенный, только слишком брезгливый для такой профессии. А ещё у деда была настоящая деревянная нога. Уж не знаю, как он с такой ногой телегу свою тягал. Дед стишки не сочинял, просто кричал: «Ко-ости берё-ом, тряпье берё-ом, рези-и-ину». Кости меня особенно пугали, я тогда в арифметике не силен был и думал, что дед на новую ногу себе кости собирает. Это сейчас я знаю точно: кило костей — шесть копеек, кило тряпья — четыре. Правда, Мирон деньги не всегда даёт: иногда петушка на палочке. А кости потом на мыловарню и на костную муку. Костная мука — это кур кормить, к примеру, или растения удобрять. А в детстве я думал, что совсем для другого, даже вспоминать жутко.

— Мирон, эй, Мирон! — я догнал старьёвщика. — Ты к нам во двор заезжай через час, у меня в сарае кости есть! И ручка сковородная, и другое разное!

— Заеду! На Фабричную, что ли?

— Да! А ты стекольщика не знаешь? Где живёт?

— Синий дом на Пореченской.

Стекольщика я нашёл. Он был дома и сразу взял инструменты, надел на плечи свой огромный плоский ящик со стёклами и пошёл со мной.

— Воскресенье, — вздохнул он, — всегда тяжёлый день. Что за неделю разобьют, на выходных и чинят.

ГЛАВА 2

Берлин,
21–22 июня 1941 года

21 июня первый секретарь советского посольства Валентин Бережков¹ весь день не мог дозвониться до Риббентропа². Москва требовала сделать чрезвычайное заявление и обсудить советско-германские отношения. Бережков звонил в министерство иностранных дел каждые полчаса. Сообщали, что Риббентроп занят. Ничего хорошего. В три часа ночи по Берлину и в четыре по Москве в советском посольстве на Унтер-ден-Линден раздался звонок. Риббентроп вызывал к себе посла

-
- 1 Валентин Михайлович Бережков (1916–1998) — советский дипломат, публицист, историк и писатель. В 1940–1941 годах первый секретарь посольства в Берлине, с 1941 года помощник В. М. Молотова. — *Здесь и далее — примеч. авт.*
 - 2 Иоахим фон Риббентроп (1893–1946) — немецкий политик (НСДАП), министр иностранных дел Германии (1938–1945), обергруппенфюрер СС. Казнён по приговору Международного военного трибунала как один из главных военных преступников в Нюрнберге 16 октября 1946 года.

Деканозова¹. Тревога, которая мучила Бережкова весь день, навалилась теперь тяжёлой мёртвой тушей. «Война. Как нарыв лопнул, — думал он. — Слухи о войне витали по Берлину уже слишком долго». Он чувствовал себя так, будто едет в больницу к близкому человеку, которого час назад сбила машина, и нужно успеть с ним попрощаться, потому что шансов выжить нет. Разумеется, Бережков заставлял себя верить в известное «И на вражьей земле мы врага разгромим малой кровью, могучим ударом»², но верилось с трудом.

Деканозов и Бережков, поехавший в качестве переводчика, вышли на улицу. У дверей ждал чёрный лимузин. Ночь была тёплой, и Бережкову запомнилось, как в эту последнюю ночь мира, слишком короткую, пахли липы — медово, липко и ласково. Липы всегда пахли миром. Горячим июлем, макушкой лета, нежностью. Не случайно ведь Linde и lind³ — однокоренные слова.

Перед Олимпиадой 1936 года Гитлер затеял строить под Унтер-ден-Линден подземную линию штатдбана, скоростного трамвая, и старые липы, росшие здесь не один век, вырубали. Впрочем, немного молодых деревьев позже всё же посадили, но ровно столько, сколько было нужно, чтобы они не мешали проведению бесконечных нацистских

1 Владимир Георгиевич Деканозов (1898–1953) — советский дипломат, в 1938–1939 годах начальник отдела разведки и контрразведки ГУГБ НКВД СССР; в 1939–1947 годах заместитель наркома/министра иностранных дел СССР; в 1940–1941 годах полпред/посол в Берлине. Расстрелян.

2 Строчки из песни «Если завтра война» (слова В. Лебедев-Кумач, музыка братья Покрасс).

3 «Липа» и «нежный» (нем.).

парадов. Бережков слышал, что в начале двадцатых в Берлине шло популярное ревю «Кувырком», в котором звучала песня «Пока ещё на Унтер-ден-Линден цветут старые деревья, ничто не сможет нас победить, Берлин останется Берлином». Старые липы погибли, прежнего Берлина нет уже давно. Однако из этой песенки следует, что и победить теперь возможно. «Идиотские мысли лезут в голову, — подумал Бережков. — При чём тут липы? Это всё наяву? Или бред?»

Возле здания МИДа гудела и толкалась толпа журналистов. Было уже светло, но чугунный навес над подъездом освещали юпитеры, будто здесь собирались снимать кинофильм. Лимузин остановился. Посол и секретарь тут же попали под обстрел фотоаппаратов. Зудели кинокамеры. Магниевого вспышки, лёгкая артиллерия фотокорреспондентов, слепили глаза. Бережков теперь уже был уверен: война. В конце бесконечного старинного зала за столом, казавшимся утлой лодчонкой в этом зале-океане, сидел уставший Риббентроп. Подняв на посла опухшие розовые глаза, он встал и предложил пройти за круглый стол в противоположном углу. Путаясь в словах, Риббентроп пересказал меморандум Гитлера, то и дело поглядывая в бумаги. («Он что, пьяный был в дымину?» — спросил позже Бережков Деканозова. — «Кажется, немного пахло. Но не думаю»). Правительство Германии заявляло, что Советский Союз представляет угрозу, поскольку советские войска неоднократно вторгались на территорию Германии и наверняка планируют нанести удар в спину.

— Фюрер... поручил мне сообщить про оборонительные мероприятия, — закончил Риббентроп.

— Нет, — ответил Деканозов. — Это наглая агрессия! И ложь! Вы за это жестоко поплатитесь!

Деканозов и Бережков направились к выходу. Риббентроп вдруг поспешил за ними и уже в дверях зашептал: «Я был против этого, клянусь. Но решение фюрера... Гитлер никого не слушал... Передайте в Москву, что я противился...»

— Врёт, собака, — сказал посол Бережкову. — Противился...

— Врёт и трусит. Да.

Тем временем советское посольство цепью окружили эсэсовцы. Никакой связи с Москвой не было. Телефон не работал. Телеграмму отправить не удавалось. Бережков включил радио. Геббельс зачитывал воззвание Гитлера: «Сегодня круглым числом 160 русских дивизий стоят у нашей границы. В течение многих недель происходит постоянное нарушение этой границы не только у нас, но также и на Крайнем Севере, и в Румынии. Русским лётчикам доставляет удовольствие беспечно не замечать этих границ, чтобы доказать нам этим, что они уже чувствуют себя господами этих областей. В ночь с 17 на 18 июня русский патруль перешёл на германскую территорию, и только после продолжительной перестрелки удалось принудить его уйти обратно. Теперь наконец настал час, когда становится необходимым выступить против этого комплота еврейско-англо-саксонских подстрекателей к войне и в такой же степени еврейских власть имущих большевистского московского центра. В данный момент совершается поход, который по протяжению и объёму является величайшим из виданных до сих пор миром».

Москва передавала утреннюю гимнастику. «Неужели в Москве ничего ещё не знают?» — испугался Бережков.

ГЛАВА 3

Толик и Нинка,
22 июня 1941 года

Вчера у десятиклассников был выпускной вечер. Толик Руденец весь год мечтал об этом дне, представлял, как после праздника будет до самого рассвета гулять с Нинкой по берегу Змейки, может быть, они начнут разговаривать о будущем, а может, вспоминать прошлое, как учились вместе эти десять лет, как ещё в третьем классе он признался Нинке в любви, а она нахмурилась и убежала, а совсем недавно, после концерта в филармонии, на который они ходили всем классом, Толик наконец решился поцеловать Нинку. В щёку, конечно. И она отчего-то заплакала. То ли от радости, то ли от страха. «Счастье всегда приходит вместе с тревогой, — говорила Нинка, — оно пока очень хрупкое, можно случайно споткнуться, уронить — и разлетится на крошечные осколки».

Потом они вспоминали, с чего началась их дружба: в шестом классе Нинка случайно разбила вазу, подарок от класса для Кобры на 8 Марта. Выбирали все вместе, деньги соби-

рали, доверили принести Нинке, зная её аккуратность. И вот Нинка, завернув подарок в газеты, вышла из дома. Она немного переживала и крепко прижимала вазу к груди. Как назло, возле самой школы на Нинку налетели буйные третьеклашки, они вовсе не собирались налетать, а просто бежали наперегонки и ухитрились прямо на бегу дубасить друг друга портфелями.

Ваза вдребезги. Растерявшаяся Нинка сидела на корточках и рассматривала осколки. Что делать дальше, она не знала. Просто перебирала куски синего стекла... И тут услышала голос Кобры: «Здравствуйте, Нина, что случилось?» Нинка вздрогнула и не знала, что придумать. Теперь уж точно конец! Внезапно откуда ни возьмись выскочил Толик, который каждое утро незаметно сопровождал Нинку (благо, на почтительном расстоянии, а то засмеяли бы обоих).

— Доброе утро, Ирина Георгиевна, — сказал Толик. — Мы готовимся к сбору стеклотары, а Нину два хулигана толкнули. Ну и разбила она стеклотару.

— Доброе утро, Анатолий.

Кобра на мгновение задумалась. Кажется, она всё поняла.

— Не переживайте, Нина. Разбитое стекло — это, в сущности, такая мелочь. Вы знаете, заживает даже разбитое сердце. Всё проходит, всё забывается — так счастливо устроен человек.

Немка ушла. Теперь растерялся и Толик:

— Что это с ней? Во даёт!

— Как думаешь, она догадалась?

— Не знаю. Наверняка. Пойми её!

— Что мне теперь делать, Толь? Мне же доверили, как я буду всему классу в глаза смотреть?

— Знаешь что? Ты иди быстрее на урок. Немецкий второй, я успею что-нибудь придумать за это время.

— А ребятам я что скажу?

— Как есть скажи. Правду. Лучше всего. И передай, что я за подарком...

Толик убежал.

— За каким ещё подарком? Стой! — крикнула Нинка вслед.

Мамкину вазу свистнуть из шкафа — нехорошо, сосчитать деньги в копилке и купить — тоже ерунда: нести вторую вазу глупо, Толик это понимал. Если немка ещё не совсем догадалась, то, увидев вторую вазу, поймёт, что раскокали не абы что, а её подарок. Кто знает, понравилась бы ей эта синяя ваза или нет? Кажется, цветы классная не очень любит: уж сколько раз девчонки порывались принести из дома горшки с разными растениями, чтобы украсить кабинет, — ничего не вышло. Все цветы оказывались в итоге в кабинете биологии.

Толик добежал до дома, пересчитал мелочь в копилке: ого! Почти три рубля! Богатство! Немного подумав, он побежал в книжную лавку. Это получше будет. Книжки немка точно любит, но она прочитала их столько, что удивить будет сложно. Нет, не стоит книгу дарить... Может, патефонную пластинку? У букиниста спрятаны в лавке совсем старые и редкие пластинки, только продаёт он их не всем и даже не всем показывает. Такую редкость может найти, что никто ещё не слышал. Букинист отнёсся к Толику недоверчиво. Толик торопливо и сбивчиво пересказал предысторию и умолял «спасти человека от вечного несмываемого позора».

— И какую же музыку любит твоя учительница? — смилостивился продавец.

— Очень серьёзную. Только есть у вас такое редкое, что по радио и в театре не крутят?

— В театре, милоч, не крутят, а играют. Исполняют, точнее. Есть у меня одна любопытная вещица, никто её не берёт и не возьмёт, а напрасно: весьма оригинальная музыка. Отдам за бесценок, а вещица редкая.

Букинист исчез за ширмочкой, кажется, там была дверь в другое помещение, и минут через десять (целая вечность!) вернулся с новенькой на вид пластинкой, правда, покрытой толстым слоем пыли.

— Бери. Рупь.

— Точно хорошая музыка?

— На ценителя, молодой человек.

Что такое «на ценителя», Толик не стал уточнять: пора было бежать в школу.

Он опоздал на немецкий на целых пятнадцать минут! «Войти или не стоит? А, всё равно немка посчитает прогулом. Помирать, так с музыкой!» Руденец-старший решительно распахнул дверь. Класс замер. Кобра уставилась прямо в душу.

— Простите, Ирина Георгиевна... Я по важному делу задержался немного. То есть много... А мы от лица класса хотим поздравить вас с Международным женским днём. Вот. Поздравляем. — Толик протянул пластинку. Кто-то захлопал, остальные нерешительно подхватили.

Кобра молча взяла пластинку и долго задумчиво её рассматривала.